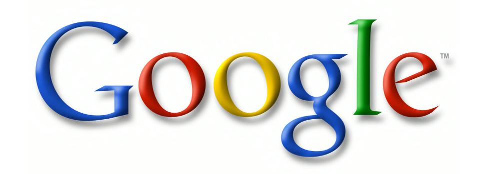
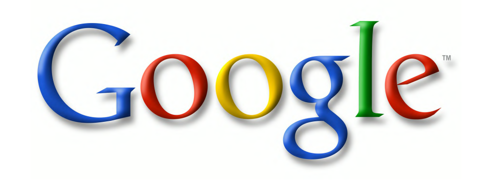
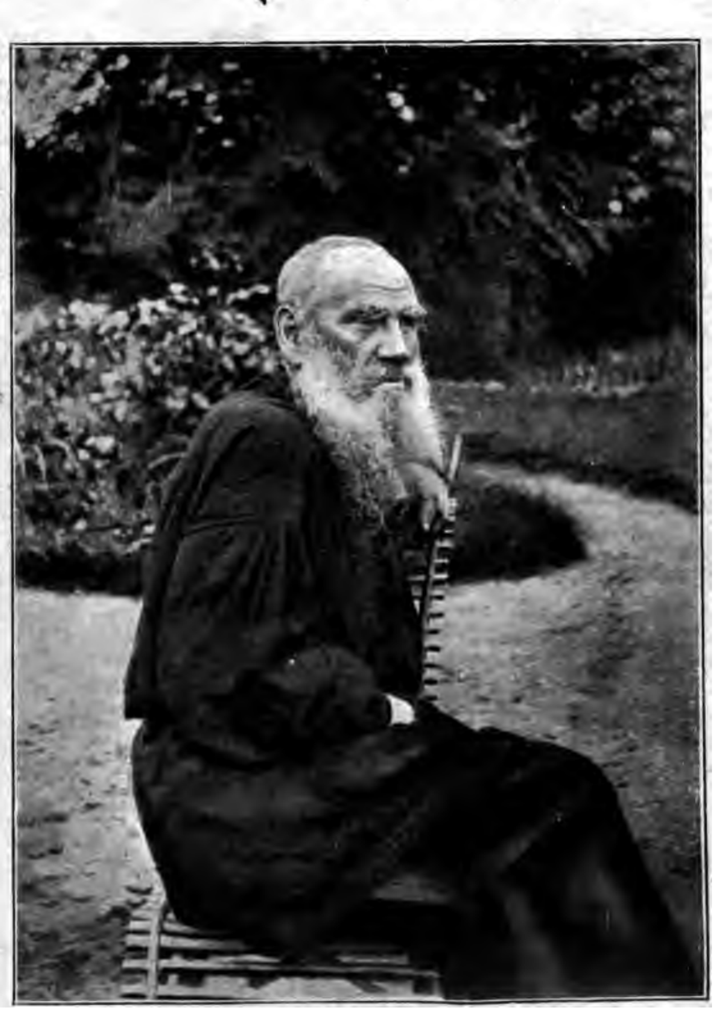

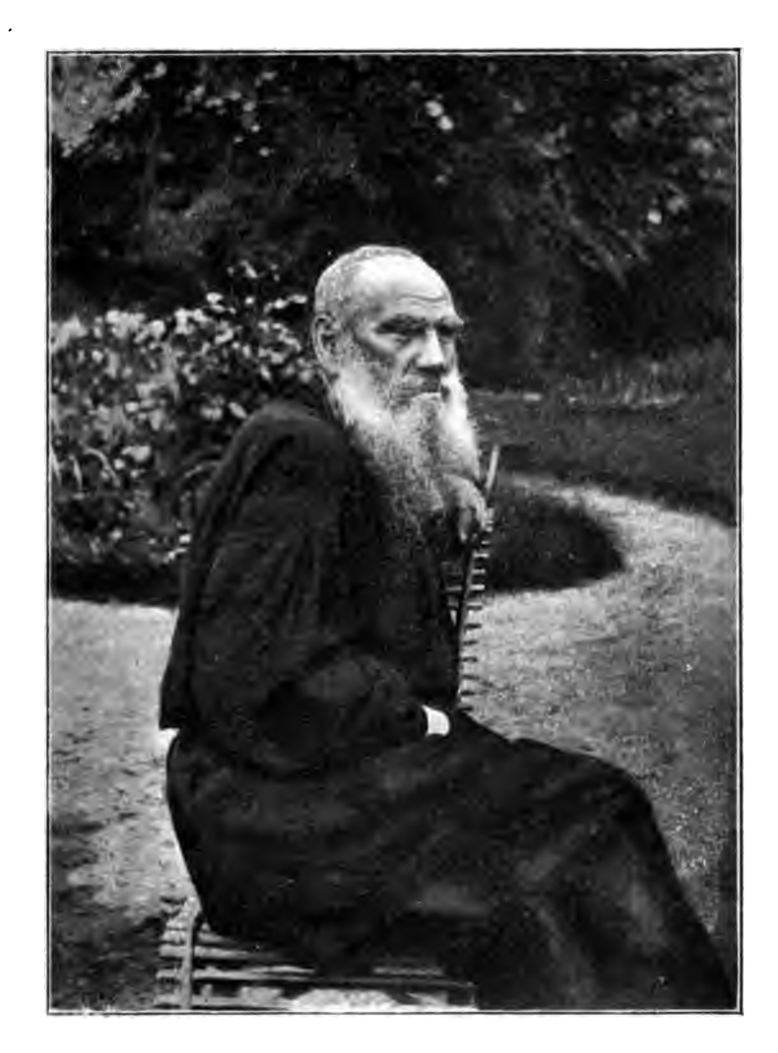

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Сергѣй Плаксинъ.

Графъ Л. Н. Толстой среди дѣтей.

Графъ Л. Н. Толстой.

Сергѣй Плаксинъ.

Plaksin, S

ГРАФЪ

Л. Н. Толстой среди дѣтей.

Очеркъ
изъ моихъ воспоминаній.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

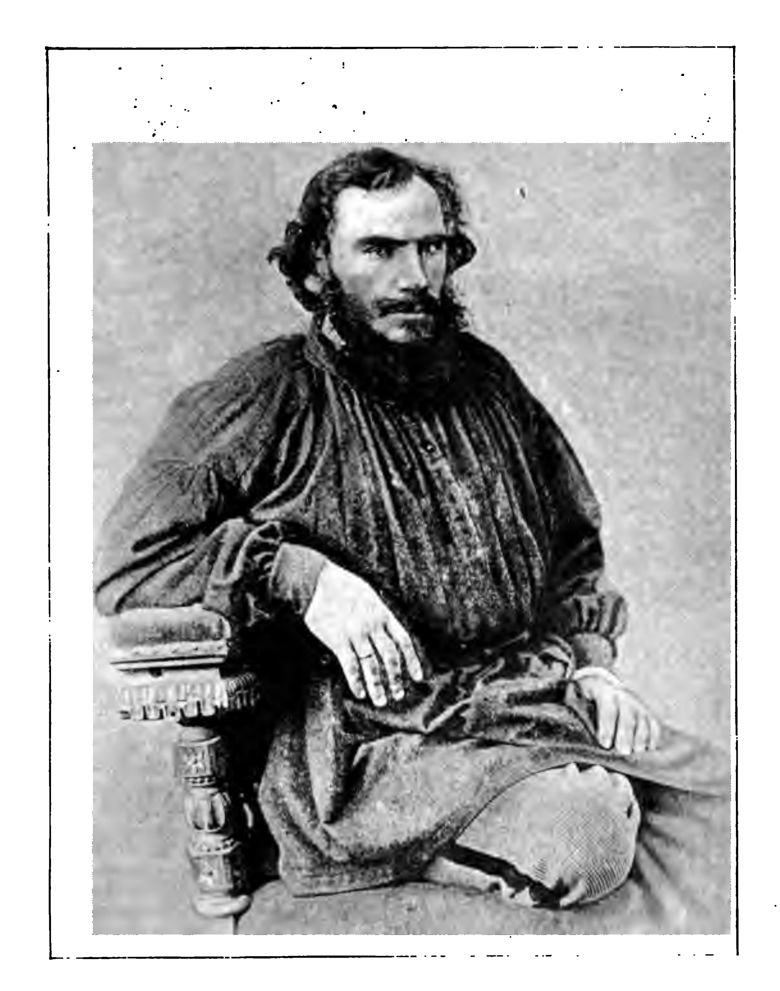
Kr

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 января 1902 года.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1903.

Графъ Л. Н. Толстой среди дѣтей.

Графъ Л. Н. Толстой
въ 1868 году.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой среди дѣтей.

(Очеркъ изъ моихъ воспоминаній.)

Прошло около сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ счастливая звѣзда привела меня къ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ я удостоился не только видѣть нашего великаго писателя, но и прожить съ нимъ подъ одной кровлей въ теченіе болѣе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ то время далекаго моего дѣтства, я, конечно, не придавалъ никакого значенія этой встрѣчѣ и только, съ годами, все рельефнѣе и яснѣе сталъ выдѣляться изъ туманнаго прошлаго величавый образъ автора „Войны и мира", который меня дарилъ своей лаской, училъ, журилъ за проказы, и живому слову котораго я такъ долго внималъ. Баловавъ меня въ дѣтствѣ, Л. Н. не забылъ меня и въ зрѣломъ возрастѣ, прославъ мнѣ въ 1894 г. свой портретъ для помѣщенія въ „Южно-русскомъ

альманахѣ", который я тогда редактировалъ въ Одессѣ, а затѣмъ, въ 1899 г., д-ръ Левенфельдъ, въ своей статьѣ: *У графа Л. Н. Толстого*, напечатанной въ „Fravkfurter Zeitung", между прочимъ, говоритъ: „Какъ прекрасный ходокъ, графъ предпринималъ пѣшкомъ изъ Монтре экскурсіи во всевозможныя направленія въ сопровожденіи Плаксина, тогда еще очень молодого человѣка".

— Теперь, — сказалъ Толстой Левенфельду, — Плаксинъ живетъ въ Одессѣ. Это — лирическій поэтъ.

Понятно, что вниманіе такого великаго писателя, бывшаго нѣкогда какъ бы роднымъ моему маленькому сердечку, вызвало во мнѣ естественное желаніе подѣлиться съ читающимъ міромъ нѣсколькими строчками изъ моихъ воспоминаній, связанныхъ съ именемъ Льва Николаевича, такъ тепло всегда ко мнѣ относившагося.

Я живо помню, какъ онъ меня училъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, какъ носилъ меня на своихъ богатырскихъ плечахъ, игралъ со мной...— все это невольно пробуждаетъ во мнѣ самыя радостныя воспоминанія.

Да простить мнѣ читатель нѣкоторыя неинтересныя подробности въ предлагаемомъ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній, которыя легко могли вкрасться вслѣдствіе нежеланія упустить то или другое мелкое обстоятельство, имѣющее хоть какую-нибудь связь съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого разсказа. Мнѣ было около девяти лѣтъ, когда послѣ перенесеннаго мною сильнаго коклюша, весь наличный ареопагъ докторовъ г. Митавы, гдѣ, въ то время, квартировалъ полкъ, которымъ командовалъ мой отецъ, рѣшилъ немедленно выслать меня, по крайней мѣрѣ, года на два подъ палящіе лучи солнца юга. Этотъ строгій приговоръ мѣстныхъ эскулаповъ такъ испугалъ мою покойную мать, что мы ужъ чрезъ недѣлю, послѣ консиліума, мчались въ собственномъ возкѣ по направленію къ Тоурогенской границѣ, въ сопровожденіи моей бонны-нѣмки, богомольной и добрѣйшей старой дѣвы изъ Лифляндіи, Елизаветы Петровны Петерсонъ и „казачка“ Гришки, 17 лѣтъ, гордо взиравшаго въ минуты прощанія съ высотъ козелъ на денщиковъ и дворню, въ качествѣ человѣка, котораго судьба приводитъ увидѣть заморскія страны.

Доѣхавъ до Тильзита въ возкѣ, мы его тамъ сдали хозяину гостиницы на храненіе до обратнаго въѣзда въ предѣлъ имперіи и отправились дальше ужъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Кенигсбергъ и Берлинъ въ Эмсъ и въ Швальбахъ, гдѣ я долженъ былъ пользоваться минеральными водами. Изъ Германіи мы направились, чрезъ Швейцарію, къ мѣсту нашего зимняго пребыванія, въ городокъ Іеръ, на югѣ Франціи.

Никогда не изгладятся во мнѣ впечатлѣнія, произведенныя на меня красотами швейцарской природы!

И облака, ползущія по склонамъ горъ, и стелящіяся какъ дымъ на живописныхъ долинахъ и холмахъ, и жемчужные водопады, образующіе клокочущія бездны, и страшные обрывы, и снѣжныя вершины Монблана и Юнгфрау — все это навсегда запечатлѣлось въ моей памяти съ той поры моего далекаго дѣтства, и, видя впослѣдствіи неоднократно тѣ же мѣста, во мнѣ до сихъ поръ не изгладилось это первое впечатлѣніе.

Пробывъ нѣсколько дней въ Женевѣ, мы отправились, черезъ Ліонъ, въ Марсель и въ Тулонъ, гдѣ въ то время содержались каторжники.

Отъ Тулона оставалось два часа ѣзды въ дилижансѣ до города Іера, мѣсто нашей „ссылки“.

Городокъ оказался очень чистенькимъ, съ домами довольно изящной архитектуры; а hôtel dées nes

d'or, въ которомъ они остановились, могъ даже считаться роскошнымъ для того времени. Главнымъ мѣстомъ прогулокъ оказалась аллея въ центрѣ города, подъ названіемъ „Promenade des palmiers“, съ чуднымъ видомъ на море.

Такъ какъ, по предписанію докторовъ, я долженъ былъ пользоваться морскими купаньями, а городъ Іеръ расположенъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, двухъ часовъ ѣзды отъ берега, то покойная мать моя, тотчасъ же по пріѣздѣ, стала пріискивать виллу на самомъ берегу моря.

Не прошло и двухъ дней, какъ извѣстный въ то время докторъ Шассино, приглашенный для пользованія меня, рекомендовалъ намъ виллу нѣкоего господина Тошъ, въ которой мы и поселились.

Какъ теперь вижу я этотъ незатѣйливый, бѣлый домикъ, въ два этажа, съ широкой верандой, обвитой виноградомъ, съ зелеными рѣшетчатыми ставнями и красной черепичной крышей.

Нижній этажъ дома состоялъ изъ большого зала, гдѣ мы завтракали и обѣдали, и трехъ комнатъ,— каждая въ два окна, выходящихъ на море. Верхній этажъ представлялъ изъ себя широкую стеклянную галлерею, также обращенную къ морю, и трехъ комнатъ, незатѣйливо меблированныхъ, съ кисейными занавѣсками и портретами императора Наполеона III и императрицы Евгеніи.

Хозяиномъ нашего новаго жилья оказался очень добродушный толстенькій провансалецъ, женатый на хорошенькой испанкѣ съ жгучими глазками. Сынъ ихъ, Жюль, гимназистъ лѣтъ 10, и старушка-мать хозяина дополняли семью Тошъ, съ которой мы очень скоро сошлись, благодаря ея предупредительности, сердечной добротѣ и неистощимой, свойственной французу-южанину, веселости самого хозяина.

Завтракали и обѣдали мы всѣ вмѣстѣ въ большомъ залѣ, при чемъ моя бонна-нѣмка не могла безъ ужаса видѣть, какъ нашъ хозяинъ ѣлъ живьемъ устрицъ, морскихъ кониковъ, oursains de mer и разные frutti de mer. Казачокъ нашъ Гришка помогалъ служить за столомъ красивой и полной крестьянкѣ изъ Арля и очень скоро сталъ называть по-французски предметы первой необходимости, а послѣ годичнаго пребыванія въ Іерѣ могъ свободно объясняться съ французами. Особенно весело бывало за обѣдомъ, который начинался въ 8 ч. веч. и продолжался довольно долго, благодаря обилію блюдъ и фруктовъ, а главнымъ образомъ — разговорамъ о Россіи, о которой наши добродушные хозяева имѣли очень смутныя представленія, но которой сильно интересовались. Невольно сравниваю я теперешнія воззрѣнія французовъ на наше отечество съ тѣми, которыя господствовали въ тѣ годы

подъ вліяніемъ французской литературы того времени.

Несмотря, однако, ни на чудныя климатическія условія, ни на безбрежный видъ Средиземнаго моря, разстилавшійся передъ нашей террасой, съ которой мы смотрѣли въ подзорную трубу на мимошедшіе суда, ни на апельсиновыя рощи и живописные виноградники по холмамъ,—нами понемногу сталъ овладѣвать тотъ тяжелый недугъ, который называется тоской по родинѣ. А срокъ нашей „ссылки" едва начался...

Невыразимая грусть стала давить меня ежедневно, особенно по утрамъ, въ минуты пробужденія. Подъ вліяніемъ сладкихъ сновидѣній изъ картинъ моей далекой родины, я со слезами умолялъ покойную мать мою вернуться въ Россію, гдѣ каждая мелочь въ домашнемъ быту, на которую я, быть-можетъ, и вниманія не обращалъ на родинѣ, пріобрѣтала для меня, на чужбинѣ, необъяснимую прелесть. Я тосковалъ и по солдатамъ, которыхъ ежедневно видѣлъ на плацу передъ нашимъ домомъ, и по отцовской конюшнѣ, и по козликамъ, и по собачкамъ,—словомъ, каждое утро заставало меня въ горькихъ слезахъ. Глядя на меня, и добрая мать моя стала хандрить, опасаясь за мое здоровье и сознавая горькую необходимость оставаться долго на югѣ...

А тутъ, какъ на зло, наступили ненастные дни, и письма стали почему-то запаздывать, и я видѣлъ,

какъ нерѣдко моя мать съ беззавѣтно-преданной намъ Елизаветой Петровной, по цѣлымъ часамъ, въ сумерки, сидѣли у огромнаго камина и въ полголоса о чемъ то шептались и тяжело вздыхали.

Къ счастью, скоро судьба не только сжалилась надъ нами, но и одарила цѣлымъ длиннымъ рядомъ незабвенныхъ дней, нѣкоторые эпизоды изъ которыхъ я не имѣю права эгоистически хранить — таить въ моей памяти.

Помню я живо тотъ вечеръ, въ который мы получили радостную вѣсть.

Нашъ хозяинъ отлучался ежедневно изъ виллы въ 6 часовъ утра въ городъ и возвращался лишь къ 8 часамъ вечера, къ обѣду.

Дождь барабанилъ въ окна нашего обширнаго зала, въ которомъ весело трещалъ каминъ, а накрытый столъ, ярко освѣщенный канделабрами и уставленный вазами съ фруктами и бутылками, привѣтливо манилъ къ себѣ.

Всѣ мы собрались къ обѣду въ ожиданіи хозяина, который почему-то на этотъ разъ опоздалъ.

Хорошенькая жена его, вѣроятно, въ силу быстрой циркуляціи испанской крови, то и дѣло подходила то къ одному то къ другому окну, произнося сквозь зубы какія-то непонятныя намъ слова.

Старушка-мать хозяина сидѣла въ своемъ вальтеровскомъ креслѣ и что-то вязала; моя мать

разбирала какую-то новую пьесу, нервно ударяя по клавишамъ, а я съ бонной игралъ въ лото.

Наконецъ, раздался звонокъ и вошелъ болѣе чѣмъ всегда сіяющій хозяинъ и сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ передъ дамами.

При этихъ словахъ г. Тошъ вынулъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ и договоръ найма, подписанный „графомъ Л. Н. Толстымъ“.

Извѣстіе о томъ, что русское семейство поселится подъ одной съ нами кровлей, привело насъ въ самое радужное настроеніе духа и мы почти всю ночь не спали отъ волненія при мысли встрѣтить соотечественниковъ въ такомъ захолустьѣ, какъ вилла Тошъ, въ окрестностяхъ Іера!

Мы бы совсѣмъ не спали, если бъ могли предвидѣть, что жильцомъ окажется гр. Л. Н. Толстой съ вдовой его покойнаго брата, графиней Маріей Николаевной Толстой, и ея дѣтьми: Колей, Варей и Лизой.

Надо ли говорить, что съ переѣздомъ семьи Толстыхъ на виллу, въ нашу скучную до того времени жизнь влилась новая, живительная струя. Помню я первое наше знакомство.

Въ гостиную вошелъ очень высокій, плотный и широкоплечій мужчина, лѣтъ 40, съ добродушной улыбкой на лицѣ, окаймленномъ темнорусой густой бородой. Изъ-подъ большого лба съ глубокимъ шрамомъ (отъ лапы медвѣдя, какъ мы потомъ узнали),

въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ, искрились умные и добрые глаза. Насколько мнѣ помнится, Л. Н. тогда походилъ на портретъ, помѣщенный въ „Художественномъ Листкѣ“ Тима.

Л. Н. говорилъ громко, но не скоро, а болѣе мягко и ровно; въ тонѣ голоса чувствовалась прямота и простодушіе, движенія были естественны и не носили отпечатка свѣтской выправки; одѣтъ онъ былъ въ коричневый костюмъ. Онъ подошелъ къ моей матери, пожалъ ей руку и сейчасъ же заговорилъ съ ней, какъ давнишній знакомый.

Какъ часто вспоминали мы впослѣдствіи, во время долгой нашей совмѣстной жизни съ покойной матерью, отрадные дни и вечера, проведенные въ обществѣ Л. Н., его сестры и моихъ маленькихъ друзей.

Нечего говорить, что душою нашего маленькаго общества былъ Л. Н., котораго я никогда не видѣлъ скучнымъ; напротивъ, онъ любилъ насъ смѣшить своими разсказами, подчасъ самаго неправдоподобнаго содержанія, и когда нашъ дѣтскій смѣхъ ужъ слишкомъ начиналъ терзать уши нашихъ маменекъ, онѣ обращались съ просьбой къ тому же Л. Н.— засадить насъ за какую-нибудь тихую работу, въ родѣ переписки изъ книгъ или рисованія.

Моя покойная мать очень сошлась съ гр. Маріей Николаевной, которая, повидимому, тоже рада была,

послѣ перенесеннаго ею семейнаго горя, встрѣтить на чужбинѣ русскую женщину, съ которой могла бы по душѣ поговорить.

Какъ теперь вижу я ихъ, сидящихъ на диванѣ, съ папиросками въ рукахъ, и вспоминающихъ нашу далекую родину и общихъ знакомыхъ.

Отъ природы очень общительный, я въ первый же день подружился съ моими новыми маленькими знакомыми, и утренняя тоска по родинѣ вскорѣ смѣнилась нетерпѣніемъ скорѣй одѣться и бѣжать въ садъ и на берегъ моря для совмѣстной бѣготни и уроковъ плаванія, подъ опытнымъ руководствомъ стараго рыбака, monsieur Шарля.

Въ первый же день пріѣзда, гр. Л. Н. обратилъ на меня особое свое вниманіе, узнавъ отъ матери моей, что цѣль поѣздки нашей на югъ — мое слабое здоровье и что доктора запретили мнѣ много рѣзвиться и бѣгать.

— Слышите, — обратился графъ къ своему племяннику и къ племянницамъ — играйте съ Сережей, но не въ „разбойники“ и не въ „горѣлки“!

И, дѣйствительно, новые друзья мои, — вслѣдствіе ли слова дяди, или по врожденной дѣтямъ чуткости,—очень трогательно со мной обращались, всегда и во всемъ мнѣ уступали, оберегали гдѣ могли и часто спрашивали меня во время игръ — не усталъ ли я, а когда другія дѣти, пріѣзжавшія со своими

родителями въ гости къ нашимъ французамъ, принимали участіе въ нашихъ играхъ, то Коля, при малѣйшей выходкѣ какого-нибудь мальчугана противъ меня, прямо лѣзъ съ нимъ въ драку. Онъ былъ вообще, что называется, „огонь мальчикъ“, съ золотымъ сердцемъ и рыцарской душой. Благодаря его рѣзвости и вспыльчивости моей матери приходилось часто бывать посредницей между нимъ и графиней, женщиной очень доброй, но болѣзненно раздражительной. Особенно часто ему доставалось за порчу костюма, который иногда тайкомъ исправлялся моей бонной, такъ какъ сучья деревьевъ неминуемо оставляли слѣдъ на легкихъ пантолонахъ Коли.

Семейство графа заняло верхній этажъ виллы, при чемъ Л. Н. поставилъ свой письменный столъ въ стеклянной галлереѣ съ видомъ на море. Вставалъ онъ очень рано, и мы, дѣти, только на минутку забѣгали къ нему здороваться, помня строгое приказаніе нашихъ маменекъ—не безпокоить Л. Н., когда онъ пишетъ.

Но у насъ утромъ были свои занятія: мы гурьбой отправлялись купаться и брать уроки плаванія, затѣмъ неизбѣжная бѣготня по саду, а послѣ завтрака мы предпринимали далекія прогулки по окрестностямъ виллы, при чемъ за нами слѣдовалъ маленькій осликъ, навьюченный корзинами съ провизіей, виномъ и фруктами.

Неутомимый ходокъ, Л. Н. составлялъ намъ маршрутъ, изобрѣтая все новыя мѣста для прогулокъ. То мы отправлялись смотрѣть на выварку соли на полуостровѣ „Porquerolle“, то подымались на священную гору, гдѣ построена каплица съ чудотворной статуей Пресвятой Дѣвы, то ходили къ развалинамъ какого - то замка, почему - то носившаго названіе „Trou des fées“.

По дорогѣ Л. Н. разсказывалъ намъ, дѣтямъ, разныя сказки. Помню я какую-то о золотомъ конѣ и о гигантскомъ деревѣ, съ вершины котораго видны были всѣ моря и города. Зная мою слабую грудь, онъ нерѣдко сажалъ меня на свои плечи, продолжая разсказывать на ходу свои сказки. Надо ли говорить, что мы души въ немъ не чаяли?..

За обѣдомъ, вечеромъ, Л. Н. разсказывалъ нашимъ добродушнымъ хозяевамъ всевозможныя забавныя небылицы о Россіи, и тѣ не знали, вѣрить ему или не вѣрить, пока графиня или моя мать не отдѣляли правды отъ вымысла.

Сейчасъ же послѣ обѣда мы располагались, смотря по погодѣ, или на обширной террасѣ, или въ залѣ и начиналась возня. Подъ звуки фортепіано мы изображали балетъ и оперу, немилосердно терзая слухъ нашихъ зрителей: маменекъ, Л. Н. и моей бонны Лизы. Балетъ и опера смѣнялись гимнастическими упражненіями, при чемъ профессоромъ

являлся тотъ же Левъ Николаевичъ, напиравшій, главнымъ образомъ, на развитіе мускуловъ.

Ляжетъ, бывало, на полъ во всю длину и насъ заставляетъ лечь и подниматься безъ помощи рукъ; онъ же устроилъ намъ въ дверяхъ веревочныя приспособленія и самъ кувыркался съ нами, къ общему нашему удовольствію и веселію.

Когда мы слишкомъ расшалимся и маменьки упросятъ Л. Н. насъ унять, — онъ насъ усаживалъ вокругъ стола и приказывалъ принести чернила и перья.

Вотъ образецъ нашихъ занятій съ Л. Н.

— Слушайте, — сказалъ онъ намъ какъ-то, — я васъ буду учить!

— Чему?—спросила востроглазая Лизанька, предметъ моихъ нѣжныхъ чувствъ.

Не удостоивъ племянницу отвѣтомъ, Л. Н. продолжалъ:

— Пишите...

— Да что писать-то, дядя, — настаивала Лиза.

— А вотъ слушайте: я дамъ вамъ тему!..

— Что дашь? — не унималась Лиза.

— Тему! — твердо повторилъ Л. Н. — Пишите: чѣмъ отличается Россія отъ другихъ государствъ. Пишите тутъ же, при мнѣ, и другъ у друга не списывать! Слышите! — прибавилъ онъ внушительно.

И пошло у насъ писаніе, какъ говорится, à qui mieux-mieux.

Коля, бывало, какъ тщательно не наклоняетъ голову на бокъ, но у него всѣ линейки ползутъ въ верхній правый уголъ бумаги. Пыхтитъ онъ, пыхтитъ, издавая носомъ неопредѣленные звуки, но ничего бѣднягѣ не помогаетъ, а, между тѣмъ, Л. Н. строго запрещалъ намъ писать по графленымъ линейкамъ, говоря, что это „одно баловство. „Надо привыкать писать безъ нихъ“. Пока мы, такимъ образомъ, излагали наши мысли, графиня и моя мать сидѣли на диванѣ и читали вполголоса какое-нибудь новое произведеніе французской литературы, а графъ Л. Н. ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, чѣмъ вызывалъ иногда восклицаніе нервной графини:

— Что это ты, Левушка, какъ маятникъ слоняешься. Хоть бы присѣлъ!..

Черезъ полчаса „сочиненія“ наши были готовы, и мое было первымъ, къ которому прикоснулся нашъ менторъ. Онъ пытался было самъ прочесть его, но, тщетно стараясь что-либо разобрать въ спустившихся къ поднебесью линейкахъ, возвратилъ мнѣ мою рукопись, сказавъ:

— Прочти-ка самъ!—и я громогласно сталъ читать, что Россія отличается отъ другихъ государствъ тѣмъ, что въ ней на масленицѣ блины

ѣдятъ и съ горъ катаются, а на Пасхѣ яйца красятъ.

— Молодецъ!— похвалилъ Л. Н. и сталъ разбирать рукопись Коли, у котораго Россія отличалась „снѣгомъ", а у Лизы — „тройками".

Обстоятельнѣе всѣхъ было написано у старшей изъ насъ всѣхъ — Вари.

Въ награду за наши вечернія занятія Л. Н. привезъ намъ изъ Марселя, куда онъ почему-то часто ѣздилъ изъ Іера, акварельныя краски и училъ насъ рисованію; прилагаемый эскизъ набросилъ самъ Л. Н. однажды и оригиналъ его удалось мнѣ сохранить до сего времени.

Всегдашнею мечтою Л. Н., какъ онъ неоднократно говаривалъ моей матери, было воспитаніе дѣтей, вслѣдствіе чего онъ позднѣе уже и устроилъ въ своемъ имѣніи „Ясной Полянѣ" нѣсколько школъ, гдѣ онъ занялся теоретически и практически исключительно педагогикой. Онъ издавалъ тутъ и педагогическій журналъ, подъ названіемъ „Ясная Поляна", который не читался въ Москвѣ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Какъ я выше замѣтилъ, Л. Н. проводилъ почти весь день съ нами,— училъ насъ, участвовалъ въ нашихъ играхъ и вмѣшивался въ наши споры, разбирая ихъ и доказывая, кто изъ насъ правъ, кто иноватъ.

Чаще всего у него выходили столкновенія съ Лизочкой.

Помню я такой случай: вхожу я въ дѣтскую и застаю Лизаньку въ слезахъ; въ одной рукѣ у нея былъ сухарь, а въ другой—ложка. На коврѣ лежала опрокинутая ступка, куски сахара, изюмъ и другія сладости.

Варя и Коля молча сидѣли у окна.

Л. Н., видимо взволнованный, ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Что случилось? — спросилъ я тихо Варю.

Л. Н., услыхавъ мой вопросъ, отвѣтилъ громко ни къ кому изъ насъ непосредственно не обращаясь и не глядя ни на кого.

— Вотъ что случилось: она (при этомъ Л. Н. кивнулъ головой по направленію къ Лизѣ) выдумала безобразную игру: стряпаетъ изъ разныхъ сладостей какое-то кушанье, которое сама ѣстъ, да къ тому же еще склоняетъ сестру и брата!.. Я не видѣлъ въ этомъ ничего дурного, такъ какъ и самъ не разъ участвовалъ въ этой игрѣ, но, чувствуя изъ ряда выходящую разсерженность Л. Н., не противорѣчилъ ему, а онъ продолжалъ:

— Это игра безобразная! она развиваетъ жадность и портитъ желудокъ!.. я запрещаю вамъ эту игру! — внушительно заключилъ онъ.

— Слушай, дядя Лева, — воскликнула, сверкая глазками, на которыхъ еще дрожали слезинки, Лиза, — изволь! Я брошу играть въ эту игру, но клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что когда я выйду замужъ и у меня будутъ дѣти, я запрещу имъ принимать тебя!.. Помни это! Такая угроза, въ устахъ прелестной во всѣхъ отношеніяхъ, но вспыльчивой какъ огонь Лизы, моментально же вызвала на лицѣ Л. Н. знакомую намъ добродушную улыбку и, смѣясь, онъ поднялъ Лизу на руки и крѣпко расцѣловалъ.

Такъ обыкновенно кончались ихъ недоразумѣнія и распри.

Другое столкновеніе произошло однажды между Л. Н. и Колей.

Сидитъ послѣдній въ дѣтской и трудится надъ починкой кожанаго хомута на игрушечной лошади, недавно ему подаренной, при чемъ старается скрѣпить сургучемъ порванныя части хомута.

— Напрасно трудишься, — сказалъ графъ, взглянувъ мимоходомъ на работу Коли.

— Отчего?

— Оттого, что сургучемъ кожи не скрѣпишь... не будетъ держаться...

— Будетъ! — возразилъ Коля, продолжая нагрѣвать сургучъ.

— А я тебѣ говорю — не будетъ! — настаивалъ Левъ Николаевичъ.

— Будетъ!

— Нѣтъ, не будетъ... вотъ что! — сказалъ графъ, — если тебѣ удастся починить хомутъ, я тебѣ привезу еще одну лошадь, а если не удастся — я и эту выброшу за окно!

Коля призадумался и прекратилъ нехотя свое безполезное занятіе.

Незамѣтно, между тѣмъ, наступили осенніе, длинные вечера. На балконѣ и на террасѣ ужъ нельзя было просиживать вечера, какъ прежде, прислушиваясь къ гармоническому прибою волнъ. Мы собирались ужъ, по вечерамъ, въ большой залѣ, запирали ставни наглухо и стали проводить время по-зимнему, заводя рѣчь о переѣздѣ въ городъ, гдѣ ужъ у насъ была нанята квартира. Окончилось такимъ образомъ наше веселое житье въ виллѣ, которое въ заключеніе ознаменовалось, однако, совсѣмъ необычайнымъ происшествіемъ, заставившимъ ускорить нашъ отъѣздъ въ городъ. Разъ какъ-то, вечеромъ, мы услышали три пушечныхъ выстрѣла изъ тулонской крѣпости, что обозначало, какъ мы потомъ узнали, побѣгъ каторжанина изъ крѣпости.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, среди прислуги нашей виллы, разнесся слухъ о томъ, что по дорогѣ между Тулономъ и Іеромъ, т.-е. на шоссе, прилегающемъ къ нашей виллѣ, „пошаливаютъ", какъ говорится въ Россіи, что ограбили

какого-то сосѣдняго фермера и что въ рощѣ, въ окрестностяхъ виллы, бродятъ какія-то темныя личности. Были ли слухи нарочно распущены прислугой, которой надоѣло ужъ жить на дачѣ, или дѣйствительно появились бродяги въ окрестностяхъ Іера, но дамы наши не на шутку перетрусили и стали быстро собираться въ городъ. А тутъ какъ на зло хозяинъ уѣхалъ въ Іеръ по своимъ дѣламъ, а Л. Н.—въ Марсель на недѣльку.

Изъ мужчинъ въ домѣ остались только садовникъ, мальчишка 17 лѣтъ, и нашъ казачокъ Гришка, 17-лѣтній парень; ждать защиты не было возможности; дамы страшились ежеминутно, и недаромъ...

Въ одинъ темный, ненастный вечеръ мы находились, по обыкновенію, въ сборѣ въ нашей залѣ и, какъ теперь помню, изображали балетъ. Моя мать играла на фортепіано, изображая собой оркестръ; графиня, хозяйка наша, ея молодая сестра и моя бонна были зрителями.

Сильные порывы осенняго вѣтра и ревъ волнъ Средиземнаго моря заглушали слабые звуки роялино.

Вдругъ, во время какого-то pas d'ensemble, мы явственно услышали сквозь звуки непогоды сильные удары въ ставню.

Всѣ невольно вздрогнули и сбились въ одну кучку, затаивъ дыханіе.

— Ouver donc! — послышался грубый голосъ.

У всѣхъ насъ не оставалось сомнѣнія, что это набѣгъ каторжниковъ на нашу виллу.

Всѣ въ ту же секунду схватили для обороны что кому подъ руку попало и рѣшились не сдаваться до послѣдней крайности. Во главѣ всѣхъ въ коридорѣ, ведущемъ къ входной наружной двери, заняла позицію наша кухарка, здоровенная женщина изъ Арля, потрясая огромнымъ кухоннымъ ножемъ.

Всѣ остальные — человѣкъ 10—12 — стали за ней, ожидая вторженія непріятеля.

Садовникъ и Гришка, вооруженные вилами и граблями, занимали арьергардъ.

Послышался второй, болѣе сильный ударъ, на этотъ разъ въ наружную дверь, съ неизмѣнной фразой:

— Ouver donc!

— Mais qui êtes vous, vogans! — спросила также грубо и задорно наша предводительница-кухарка, не отворяя дверей.

— Je suis un postillon et j'apporte deoux lettres pour m-mes la comptesse Tolstay et pour m-r Plaksinn...

— A la bonne heure! — не унималась наша расходившаяся кухарка, — fallait le dire et non pas enfoncer la porte comme un vagoboud et nous faire prendre des mesures!..

Надо ли говорить, какую богатую тему для веселыхъ разговоровъ дала намъ эта сцена?

Когда мы о ней разсказали Льву Николаевичу, онъ отъ души хохоталъ и долго подтрунивалъ надъ нашей храбростью, особенно изводя мою бонну Елизу, горячую поклонницу храбраго Бисмарка.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго происшествія, мы, наконецъ, переѣхали въ городъ, гдѣ насъ съ Толстыми раздѣляла только одна улица и гдѣ мы продолжали ту же тихую, семейную жизнь, при которой мы видѣлись ежедневно и которая измѣнилась только тѣмъ, что насъ стали учить музыкѣ.

Съ этой цѣлью была приглашена къ намъ полька, м-мъ Жуковская, мужъ которой переписывалъ сочиненія графа Л. Н., кажется, писавшаго тогда „Войну и міръ“.

Моя игра на фортепіано должна была явиться сюрпризомъ для моего отца при нашемъ возвращеніи домой, что и произошло.

Послѣ первыхъ привѣтствій, въ присутствіи всѣхъ встрѣчавшихъ насъ офицеровъ полка и гостей, я сѣлъ за піанино и сыгралъ наизусть маленькую піеску.

Разумѣется, эффектъ вышелъ чрезвычайный. Я на другой день получилъ отъ отца въ подарокъ бриллiантовое колечко.

На зиму въ Іеръ пріѣхало еще нѣсколько русскихъ семействъ, въ числѣ которыхъ была и красавица m-me Клушина, слѣпая, съ двумя близнецами, тамъ же умершая, къ великому горю всѣхъ знавшихъ ее.

Отпѣваніе ея совершалъ прибывшій изъ Марселя греческій священникъ въ присутствіи многихъ съѣхавшихся русскихъ. Это было первое православное богослуженіе, которое мы услышали послѣ годичнаго пребыванія за границей, и я не могу передать того чувства, которое наполнило мое дѣтское сердце при видѣ этой торжественной и грустной службы. Послѣ отпѣванія гробъ съ останками былъ отправленъ въ Марсель для направленія моремъ въ родовое помѣстіе Клушиныхъ.

Кромѣ насъ, въ Іерѣ изъ русскихъ семействъ мнѣ помнятся: кн. Голицына, пожилая дама, навсегда поселившаяся въ Іерѣ и слывшая „благотворительницей", Плаутины и молодой князь Трубецкой, морякъ съ фрегата „Александръ Невскій", стоявшаго въ то время на марсельскомъ рейдѣ.

Финаломъ нашей заграничной поѣздки и совмѣстнаго жительства съ семьей гр. Толстыхъ былъ, конечно, нашъ отъѣздъ, явившейся необходимостью для моего поступленія въ учебное заведеніе.

За время нашего годичнаго пребыванія на югѣ Франціи здоровье мое значительно поправилось,

но кашель и приступы бывшей болѣзни еще являлись по временамъ.

Извѣстный въ то время какъ своими учеными трудами, такъ и практикой д-ръ Шассино, навсегда поселившійся въ Іерѣ, увеличилъ собою нашъ интимный кружокъ.

Кромѣ того, мы очень сошлись съ добрѣйшей кн. Голицыной и нашими сосѣдями по квартирѣ, семействомъ изъ Бельгіи — Van-Paris, состоящимъ изъ отца, матери и трехъ дѣтей. Левъ Николаевичъ продолжалъ и при такомъ увеличеніи нашего дѣтскаго кружка стоять на стражѣ нашихъ маленькихъ интересовъ, попрежнему уча насъ и играя съ нами.

Наступила пора разлуки.

Нечего говорить о послѣднихъ дняхъ нашего пребыванія въ Іерѣ въ кругу нашихъ знакомыхъ, изъ числа которыхъ дорогая семья Толстыхъ не покидала насъ, помогая намъ укладываться и передавая разные поклоны и порученія родной странѣ, которую намъ суждено было раньше ихъ увидѣть.

Разставшись друзьями со всѣми насъ окружавшими и обѣщаясь обоюдно писать, какъ водится, другъ другу, мы сѣли въ дилижансъ и пустились въ обратный путь.

Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ приближался я къ нашей границѣ; каждый свистъ локомотива, обозначавшій станцію, раздавался радостнымъ эхомъ

въ моей душѣ, а видъ пограничнаго русскаго солдатика повергъ меня въ полное восхищеніе!..

Я былъ ужъ дома, — въ дорогой моей Россіи!

Золотые годы!.. Я вспоминаю ихъ съ такою же любовью, какъ и тотъ свѣтлый лучъ моего далекаго дѣтства, который осѣнилъ ихъ разсказаннымъ мною здѣсь очеркомъ о нашемъ великомъ писателѣ „Львѣ Николаевичѣ Толстомъ среди дѣтей“.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна **25** коп.

3 6105 002 099 625

